

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ДЕТСТВО: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Выпускная квалификационная работа по направлению 030100 Философия

Основная образовательная программа СВ. 5026.2013 Философия

Исполнитель

Углова Ирина Михайловна

Научный руководитель

Профессор, доктор философских наук

Марков Борис Васильевич

Рецензент

Доцент, кандидат философских наук

Ларионов Игорь Юрьевич

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Период детства самый первый в жизни человека, каждый сталкивается с детством в самом начале жизни. Так же большинство людей сталкиваются в жизни с рождением и воспитанием своего ребенка. Таким образом феномен детства становится неминуемым для каждого, а многие с ним сталкиваются неоднократно. Сложно переоценить значение детства как для каждого человека в отдельности, так и для общества в целом. Именно в детстве закладываются многие представления будущего человека и гражданина – закладывается его характер. От того, какую роль ребенок играет в семье формируется отношение к детству, с которым связано множество социальных институтов и общественных организаций.

В наше время дети являются потребителями, согласно интересам детства, работают целые инфраструктуры и корпорации. Торговля, сфера развлечений, специализированные учреждения, сфера услуг – очень многое существует для того, чтобы сделать жизнь детей веселее и интереснее, а их родителей легче и приятнее. К тому же можно говорить о государственной политике в отношении детей и формирования через образовательные и

прочие детские учреждения определенного формата людей. Таким образом, говоря о детстве можно рассмотреть довольно широкий круг связанных с этим феноменом тем, учитывая различные взаимосвязи и явления. Детство при этом является очень размытым понятием, оказывается сложным указать на то, где именно оказывается разрыв между детским и взрослым, какие процессы могут иметь отношение к детям, а какие не имеют для этого периода никакого значения и многие другие границы, которые указывают на действительное существование специфического периода в жизни человека и его особенности.

Детство можно рассматривать в очень разных аспектах и найти огромное количество вопросов и проблем, которые могли бы стать центральными в работе на эту тему, но крайне важно при этом иметь представление о самом феномене.

Детство неминуемо оказывается частью повседневной жизни человека, тем более частью жизни и развития общества, а потому крайне важным моментом в попытке очертить границы этого феномена становится образ детства, то представление, которое демонстрирует общество относительно «невзрослой» части населения. Выявление образа связано с рядом вопросов, которые необходимо рассмотреть в контексте данной темы.

Таким образом, целью данной работы является составление образа детства с опорой на различные направления науки и общественной деятельности, а также исследования и произведения, которые демонстрируют те устоявшиеся представления, которые составляют собой сам этот образ. Постепенное рассмотрение выбранных направлений и выявление тех аспектов, которые оказываются важными в достижении поставленной цели являются задачами, которые необходимо будет разрешить в процессе исследования. Более конкретно задачи можно сформулировать исходя из тех проблем, которые рассматриваются в каждой главе.

Работа представлена пятью главами. Основные главы рассматривают детство в историческом контексте, в психоаналитической традиции в срезе коммуникативных особенностей этого периода, с точки зрения педагогического опыта и воспитательных методик. Главы, посвященные историческому исследованию, школе имени Достоевского и произведениям Януша Корчака подразделены на подпункты и включают несколько различных вопросов требующих более подробного рассмотрения.

Одной из таких проблем является история детства, история отношения к этому периоду обществом. Многие авторы так или иначе затрагивают этот вопрос. В том числе такой французский историк XX века, как Филипп Арьес. Его работа раскрывает очень интересный взгляд на историю детства и отношения к ребенку. Интересен Арьес и тем, что заостряет внимание на той роли, которую играет ребенок для общества. Рассматривая те различия, которые можно подметить в историческом развитии представлений о ребенке он помогает прочувствовать, как много факторов влияет на это отношение и что это довольно сильно как зависит от общества, так и влияет на него. С детством очень тесно связаны многие явления внутри института семьи, такие как семейные устои, устроение быта, общественное положение.

В продолжение его позиции крайне интересно рассмотреть взгляды Франсуазы Дольто, которая не просто отмечает одобрением труды Арьеса, дополняет его позицию, но и сама является очень важной фигурой в исследовании детства. Являясь психоаналитиком и педиатром, ключевой фигурой в французской ветви психоанализа, она не просто исследует, но и сама формирует определенное отношение к ребенку и указывает на специфику вопросов, связанных с детьми и их воспитанием, с восприятием этого особенного мира детства. Рассматривая детство с позиций исторического исследования предполагается обозначить некоторую тенденцию в изменении его образа в обществе.

Таким образом, упоминая имя Франсуазы Дольто сразу оформляется еще один важный контекст, в котором детство выступает объектом изучения и с помощью которого формируется определенный взгляд на ребенка - это психоанализ. Психоаналитики сразу обращают внимание на ранние стадии развития человека и связывают с ними огромное количество процессов и феноменов, без исследования которых невозможно говорить о человеке в целом. Значение этой традиции для выбранной области исследования можно продемонстрировать цитатой В.М. Литвинского «По существу психоанализ инициировал открытие детства как в филогенетическом, так и в онтогенетическом аспектах, состоящего в его временной продолжительности и необходимости заботы о ребенке со стороны взрослых.»¹. Это сразу же обращает внимание на проблемы детства, делает его важным предметом изучения, который необходимо понять, в специфических процессах которого необходимо разобраться. Тут хотелось бы упомянуть такое имя, как Мелани Кляйн – это важнейшая фигура британской психоаналитической традиции. Она занимается и формирует детский психоанализ, поднимает множество вопросов, касающихся детей и занимается созданием специальной психоаналитической терапии. Ее исследования затрагивают важнейшие вопросы, которые касаются и понимания ребенка, и анализа нормального хода его развития. В связи с упоминанием этой традицией я планирую обнаружить некоторые особенности того отношения к ребенку, которые складываются в связи с вопросами, на которых психоанализ акцентирует внимание.

Тут обнаруживается еще один важный вопрос, а именно коммуникация между ребенком и окружающими его людьми. В отношении самого раннего детства этот аспект становится важным в виду особенной коммуникации, которая обнаруживается между ребенком и мамой. В дальнейшем становится важно, каким образом у ребенка формируются коммуникативные навыки.

---

¹ Литвинский В.М. Психоанализ ребенка (На пороге новой антропологии) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. - 1998. - Вып. 4 (№ 27).

Коммуникация, которая формируется постепенно и имеет отличительные особенности на каждом этапе может продемонстрировать роль, которую ребенок может занимать или занимает в виду особенностей, связанных с общением и тем способом, которым он выстраивает связь с окружающими.

В процессе осмысления детства встает множество различных трудностей. Так, например, подход к вопросам детства с позиции самого детства – очень сложная задача. Сам ребенок как правило еще не способен к серьезному осмыслению, к тому же он в некотором роде еще не осознает своего положения, дети хотят чувствовать себя полноправными членами коллектива, общества, семьи, они не просто подражают взрослым, но хотят и часто относят себя к миру взрослых. Взрослый же человек уже довольно скептически вспоминает свое отношение к миру в юные годы, к любому воспоминанию и его анализу примешивается уже полученный и усвоенный с годами опыт и переосмысление всего, что знал раньше.

На мой взгляд в этом смысле стоит обратиться к тем людям, которые возможно ближе всего чувствуют детство как неотъемлемую часть каждой жизни, но все же имеющую вполне очерчиваемые границы – это воспитатели и учителя. В начале XX века социальная обстановка во многих странах способствовала появлению большого количества беспризорников, детей потерявших семью, возросла детская преступность, активно появлялись интернаты, школы тюремного типа. Руководители и воспитанники некоторых таких заведений внесли огромный вклад в педагогику и написали произведения, в которых очень точно и чутко подмечены особенности детского восприятия, предложены методики по работе с детьми.

В данном контексте мне бы также хотелось рассмотреть Республику ШКИД Л. Пантелеева и Г. Белых. Произведение, написанное вчерашними выпускниками воспитательного заведения тюремного типа, подчеркивает также множество важных моментов в понимании детства.

Януш Корчак является еще одной фигурой значительной для осмысления школ интернатов, их специфики. К тому же он рассматривал ребенка в семье и заострял внимание на положении ребенка в обществе и значении периода детства для человека, а потому его произведения являются важнейшими для антропологического исследования на заданную тему.

В ходе рассмотрения каждой из глав будут решены некоторые задачи, которые позволят прийти к выводам, которые станут характеристикой некоторого образа детства, который возможно очертить в ходе такого исследования. Необходимо иметь в виду, что избранные к рассмотрению темы и направления не являются исключительными, а составляют совсем незначительную часть от возможной области исследования, а потому не формируют обобщенный и законченный образ детства, но предлагают некоторые характеристики для очерчивания границ, на мой взгляд наиболее существенных направлений мысли в контексте данной темы.

Глава I. Исторический подход к рассмотрению проблем детства

1.1 История детства Филиппа Арьеса

Ребенок воспринимался так, как мы его воспринимаем сейчас далеко не всегда. На протяжении истории образ детства формировался, менялся, дополнялся. Одна из выдающихся личностей в разговоре о детстве и его исследовании это французский историк Филипп Арьес, раскрывший свое отношение к детству и материнству в своей работе «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке». Он начинает свою работу с анализа возрастной терминологии и некоторых изображений так или иначе рассказывающих, о том, какие периоды взросления прослеживаются в контексте столкновения с детством.

Во многих языках обычно встречается слово для раннего детства, часто это был термин, обозначающий период, связанный с некоторой физической неполноценностью ребенка – неумение говорить, составлять предложения,

выпадение зубов. Под понятие же детства до XVIII века попадали и подростковый период, и период отрочества. Хотя, в XVII веке среди привилегированных сословий ребенком уже все-таки считается именно ранний возраст, но среди зависимых классов период детства представляется все таким же длительным. Это связано с тем, что для проведения более детального разделения следовало бы обратить внимание на физиологические различия детского и подросткового периода, либо сделать границей наступление полового созревания. Тогда же детство тесно связывалось с зависимостью, а взросление отмечалось ослаблением зависимости. Таким образом слова, обозначающие младшего по возрасту совпадали со словами, используемыми для того, чтобы обозначить младшего по рангу или находящегося в зависимости по социальному рангу, а вернее того, кто еще находится на некотором содержании в силу возраста.

Обозначение для совсем маленьких, младенцев появляется лишь в XIX веке. Однако, Арьес приводит примеры живописи, в которой все-таки просматривается некоторая градация, так, например, дети изображаются совсем маленькими, либо с игрушками, либо в процессе обучения, либо как влюбленные пары девушек с юношами. Некоторое разделение на периоды, с которыми связаны определенные этапы взросления, все же проводилось, хоть для этого и не использовалась специализированная терминология. Образ юношества же появляется в Вагнеровскую эпоху и становится объектом внимания в XX веке когда юношество расширяет свои границы, отодвигая детство и зрелость, и становится несколько романтизированным периодом.²

Арьес в конце концов выдвигает предположение, что «у каждой эпохи есть своя привилегированная возрастная группа и собственные правила периодизации человеческой жизни: «молодость» -привилегированный

---

² См. Арьес Ф. Ребенок и Семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с франц. Я. Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцев. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999 - С. 30-43.

возраст XVII века, детство – века XIX, подростковый период – XX столетия.»³

К тому же, Филипп Арьес представляет типологию детства и в связи с этим представляет несколько типов ребенка в художественной культуре.

Первый тип появляется во времена средневековья, где детство практически не фигурирует в объектах художественной культуры, а если присутствует то, например, в живописи характерные черты этого раннего периода жизни не учитываются – ребенок на изображении отличается от взрослого лишь низким ростом – в остальном он имеет те же черты лица, а иногда и мускулатуру, что и взрослый человек.

Но уже в средние века (начиная с XII века) появляется второй тип, где заметно более трогательное изображение ребенка и более реалистичное. Тогда же детство приобретает большее распространение в художественных образах – это связано с образом Девы Марии и Иисуса Христа. Так тема детства и материнства и начинает приобретать свое значение.

Третий тип относится к эпохе готики. Тут ребенок закутан в пеленки или, в редких случаях, обнажен, что положит начало будущему романскому искусству.

В целом же, в средние века появляется образ маленького ребенка, ребенка, испытывающего нежность к матери и образ матери, пылающей заботой и нежностью к своему ребенку. Тогда же появляются и детские истории, и легенды, образ начинает выходить за пределы религиозной тематики и становится более мирским. Появляются образы играющего ребенка, фигуру ребенка можно обнаружить в толпе. Образ ребенка вписывается в изображение обычных бытовых сцен – мир ребенка и взрослого смешиваются, но детям все же уделяют особенное значение в сюжетах, заметив их особенную нежность, живописность и грациозность.

---

³ Арьес Ф. Ребенок и Семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с франц. Я. Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. С. 42.

В XV веке можно говорить о появлении двух новых типов изображения ребенка: портрет и путти.

Изображение детей появляется на надгробиях, однако, в основном на надгробиях учителей, которых окружали дети. Эти изображения не несли фотографического смысла, изображались не именно те ученики, которым преподавал этот преподаватель, а просто некоторое количество детей, которые подчеркивали статус учителя. Тут уже прослеживается некоторое установление роли ребенка, представление о свойственном ему месте – подле учителя. Тем не менее индивидуальные черты ребенка не считалось необходимым запечатлеть за незначимостью младенческого периода. Именно этот тезис Арьеса о бесчувственном отношении к смерти детей в младенчестве и встретит наиболее серьезную критику. Он приводит примеры, свидетельствующие о том, что люди не слишком сожалели об утрате маленьких детей и количество рождаемых детей предусматривало смерть если не большей части, то некоторых точно. Это свидетельство отсутствия предположения личности, будущей индивидуальности в маленьких детях.

Арьес подтверждает свою позицию об отношении к детству в то время также тем фактом, что маленьких детей не изображали на семейных портретах, так как неизвестно было выживет ребенок или нет. Редкие же изображения детей, которые все же встречаются, свидетельствуют, как раз о некотором полагании в этом малыше подрастающей личности. Для рассматриваемого автора это скорее то исключение, которое подтверждает правило.

Серьезный поворот случается в XVIII веке и связан с изменением демографической обстановки, развитием медицины и появлением контрацепции. Но его начало можно обнаружить гораздо раньше, что обусловлено христианизацией нравов. Следует указать на то, что уже в XVI веке, хоть и в достаточно небольшом количестве, но все же встречаются

примеры бережного отношения к детям, например, изображение умерших во младенчестве, да и вообще включение младенцев в семейные портреты. С XVII века появляются портреты детей, изображенных отдельно, что является тоже своего рода поворотом и в живописи, и в отношении к ребенку - он сам уже является личностью, в которой заинтересованы, заинтересованы в его запечатлении. Ребенка рисуют ради него самого, и интерес представляет для заказчика именно то, что он пока еще в детском возрасте – это время своего чада хотят сохранить и даже увековечить. Эта традиция уже не закончится, и в наше время ее не стали любить меньше, только художественное изображение сменилось фотографией. Конечно, сейчас детей стараются запечатлеть на каждом этапе их развития, собираются целые фотоальбомы, тогда же это оказывалось исключительной редкостью, единичными случаями как в рамках одной семьи, так и в обществе в целом. Представление о неповторимом младенческом и юном возрасте чада формировалась на протяжении долгого времени. Отчасти, именно к этому положению можно прийти при обращении к исследованиям Арьеса.

В XVII веке впервые встречается описание ребенка в семье и письмо, в котором выражено нежное к нему отношение – это письма мадам де Севинье. Однако это еще очень редкие свидетельства, о детях и их быте в семье упоминают еще очень редко. Что значительно разится с современной ситуацией – новоиспеченная мама в большинстве случаев начинает жить своим ребенком он становится главным в ее жизни и главной темой для обсуждения. По свидетельствам собранным Арьесом такое отношение к детям впереди и в XVII веке мы видим только его зачатки.⁴

Арьес также подробно рассматривает одежду и приходит к выводу, что серьезные различия между детской и взрослой одеждой появляются лишь в XVI веке, до этого дети носили в основном одежду такую же как и взрослые,

---

⁴ См. там же С. 44-59.

но меньшую по размеру и иногда к их костюмам добавлялись элементы указывающие на их возраст.⁵

Очень важным замечанием в отношении рассматриваемой темы является допустимое и недопустимое в присутствии детей при различных обстоятельствах и явлениях сегодня и в прошедшие времена. Так, взяв для рассмотрения дневник придворного врача, который записывал все подробности воспитания Людовика XIII, Арьес покажет, какое отношение было к детям в конце XVI – начале XVII веков. Он указывает на излишнюю откровенность в присутствии детей и по отношению к детям, как со стороны родителей, так и со стороны прислуги и воспитателей. Прививание некоторых манер приличия и должного взаимоотношения к противоположному полу считалось необходимым лишь для детей подросткового возраста – детей же младшего возраста склонять к приличию не считали нужным. Вскоре произойдут некоторые изменения, на это начнут обращать внимание и ситуация изменится – появится некоторая цензура в отношении того, что следует и не следует рассказывать и показывать детям и насколько рано стоит приобщать их к взаимоотношениям между полами.⁶

1.2 История детства Франсуазы Дольто

Темой к рассмотрению это также является для Франсуазы Дольто она рассматривает период второй половины двадцатого века и отмечает, что тогда уже ситуация была прямо противоположная той, которую описывает Арьес относительно конца XVI- начала XVII века. При детях, по ее мнению, соблюдаются излишние меры приличия, с детьми не говорят на темы, на самом деле волнующие каждого ребенка и подростка, в силу их естественного физиологического и психического развития.

Она отмечает, что в воспитательных практиках и в представлениях о должном воспитании ребенка слишком мало знакомят с его собственным

---

⁵ См. там же С. 61-70.

⁶ См. там же С. 109-135.

телом и слишком мало разъясняют, неизбежно проявляющиеся в жизни каждого человека, моменты столкновения с особенностями собственных органов и физиологией. Она отмечает, что открытое изучение Фрейдом детской сексуальности вызвало бурю негодования лишь потому, что несколько веков до этого дети зачастую вскармливались и воспитывались в раннем возрасте кормилицами, которые не требовали от ребенка некоторых приличий, необходимость которых накладывает позже семья и общество взрослых. Родители же сталкивались с ребенком уже знакомым с нормами приличия и лишь потому эта тема не затрагивалась и стала открытием. Но детская сексуальность - это естественный этап взросления, поддерживаемый взрослыми при дворе Людовика XIII (из описаний Арьеса), знакомый кормилицам и позже возмущающий своим присутствием родителей, которые с этим сталкиваются.⁷

Таким образом Франсуаза Дольто указывает на необходимость освещения этой темы, как для детей, так и для их родителей. Необходимо, чтобы это было вписано в нормальное взросление ребенка, чтобы этот этап не вызывал смущения, не создавал некоторого торможения в развитии и последующих комплексов.

Франсуаза Дольто - французский психоаналитик, педиатр в своей книге «На стороне ребенка» также рассматривает историческое становление понятия ребенка и вслед за Арьесом отмечает очень позднее появление ребенка, как самостоятельного объекта для изображения в живописи, как субъекта значимого самого по себе еще в детском возрасте.

Франсуаза Дольто выделяет четыре периода, которые характеризовались разным отношением к детству. Первый соответствовал эндогамному обществу, где высоко ценилось рождение мальчика. Мальчик это будущий рабочий, это продолжение рода – таким образом его рождение становилось особым событием для клана.

---

⁷ Дольто Ф. На стороне ребенка. СПб: «Петербург – XXI век», 1997 - С.27-38.

Второй был характерен для экзогамного общества. В таком обществе любой ребенок был свидетельством счастливого и полноценного брака, но рождение мальчика, как наследника особенно ценилось.

А третий период она представляет, как мультузианское общество, где ребенок был довольно дорог в содержании, что отразилось на общем отношении к ребенку и детству в целом и сопряжено с некоторым развитием общества и медицины. Этот период характеризовался разрешением аборт и регуляции рождаемости – ребенок уже не был столь ценен.

Четвертый период, а именно общество «коллективного эгоизма» станет эпохой, когда ребенок будет более обузой, чем ценным вкладом в общество. Обществу придется подчинить ребенка единым нормам и только тогда оно сможет содержать его, но так ребенок теряет свой шанс на становление личностью.

Подходя же к обобщению своего небольшого экскурса в историю детства Франсуаза Дольто делает вывод о том, что ребенок в современном мире также очень ограничен в своем положении, как ограничивают и область изучения детства. Сфера, имеющая своей целью воспитание, развитие детей, создания для них комфортных условий роста с одной стороны все расширяет свои границы, а с другой стороны все более берет под контроль сферу детства, детское развитие, определяет рамки, в которых ребенок определяется и формируется, все более четко оформляются цели и задачи, которые создают некоторую изначальную направленность, предопределенность.⁸

---

⁸ Дольто Ф. На стороне ребенка. СПб: «Петербург – XXI век», 1997 - С.31-52.

Глава II. Детство и ребенок в психоаналитической традиции

В своей книге «На стороне подростка» Франсуаза Дольто говорит о втором рождении. Первое рождение это физическое рождение, а второе рождение - это обретение пола. Ребенок в маленьком возрасте конечно же имеет пол, но не осознает его. Этому существует множество свидетельств, объяснений и доказательств. Этот момент, связанный с осознанием своего пола является важной вехой в формировании ребенка. До этого маленькие мальчики и девочки почти не отличаются. Они проходят одинаковые стадии знакомства с миром, их поведение не имеет каких-то специфических черт, да и внешних половых различий практически нет.

Очень важной фигурой в разговоре о детях является британский психоаналитик Мелани Кляйн, которая встала у истоков детского психоанализа. В отличие от Фрейда и Анны Фрейд, Мелани Кляйн рассматривала детей самого нежного возраста. Если для основателя психоанализа был основополагающим факт наличия у ребенка речи, то британский психоаналитик отказалась от этого ограничения и заявила о

наличии психического мира у младенца и маленького (еще не говорящего ребенка). Она говорит о возможности верифицировать психическую жизнь с помощью множества способов, таких как игры, более поздние взаимоотношения с другими и с миром.

Одной из базовых идей Мелани Кляйн является гипотеза о том, что первые взаимоотношения с матерью и ее грудью в процессе кормления инициируют объектное отношение к ней. С помощью проекции ребенок переносит любовные импульсы на хорошую грудь, а деструктивные импульсы на плохую грудь. Таким образом все приятное, удовлетворяющее становится атрибутом хорошей так, также как и ощущение, что он любим.

У ребенка появляются фантазии и деструктивные фантазии связаны с плохой грудью – это фантазии разрывания, пожирания, уничтожения. При этом у ребенка есть ощущение, что грудь будет отвечать ему тем же, таким образом она становится элементом преследования, это определяет его страхи, которые связаны в первую очередь с этой плохой грудью.

Подобные негативные чувства притупляются, за счет представления об удовлетворении, испытывания чувства любви к хорошей груди. Так как хорошая грудь связана с матерью, то и все материнское (улыбка, запах, голос) являются существенным объектом для ребенка.

Тут стоит отметить, что для ребенка это идеализированные объекты, так плохая грудь охватывает его всепоглощающим страхом, а хорошая грудь представляется как идеальная, защищающая, нейтрализующая плохую устрашающую грудь.

Сочетание противоположных импульсов по отношению к одному и тому же объекту является фактором развития депрессивной тревоги. В это время именно посредством либидо возможно смягчение деструктивных импульсов и это является главным условием нормального развития и ослабления тревоги.

Именно такие ранние шизоидные механизмы становятся основой способов вытеснения на более поздних стадиях развития, речь о взаимопроницаемости разных частей психики. Каждый фактор страха подкрепляет механизм расщепления объектов, в то время как каждое приятное переживание способствует доверию по отношению к объектам.

Предпосылкой для нахождения хорошего объекта становится проекция любовных чувств, которая появляется вместе с либидо. Именно с помощью положительной проекции и интроекции улучшается отношение ребенка как к внутреннему, так и к внешнему миру.

Противоположные чувства по отношению к одному и тому же объекту провоцируют следующий шаг развития психики, «болезненные эмоции депрессивной тревоги и вины нарастают, агрессия смягчается под действием либидо, вследствие чего ослабевает тревога преследования; тревога, связанная с судьбой подвергающихся опасности внутренних и внешних объектов, приводит к усилению идентификации с ними»⁹.

Говоря о психоаналитических концепциях тут также стоит упомянуть о таком британском психоаналитике, как Уилфред Рупрехт Бион. Его теория вместе с понятием проективной идентификации, описанной Кляйн как активность, направленная на освобождение психики от лишнего раздражения, представляют теорию одного из самых ранних способов коммуникации маленького ребенка и матери. Беря за основу идею хорошей и плохой груди Бион пытается проследить психические процессы. Хорошая грудь для него это та грудь, которая удовлетворяет потребность, это то, что ассоциируется с сытостью, теплотой, удовлетворением. Плохая грудь – это ощущение отсутствия хорошей груди, она появляется в тот момент, когда ребенок ощущает аппетит, но груди нет. Это является уже элементом фантазии. Фантазия связанная с плохой грудью для ребенка становится испытанием реальностью и приводит к состоянию фрустрации, которое

---

⁹ Кляйн М., Айзекс С., Райвери Д., Хайманн П. Развитие в психоанализе / М.: Академический проект, 2001. С – 325.

ребенок должен перенести. Решение этой проблемы зависит от способности самого ребенка и от способности к мечтанию его матери. Именно тут, когда фрустрация выходит за определенные рамки, включается идентификация, о которой говорила Кляйн.

Ребенок проектирует свои чувства в мать, а мать с помощью своих навыков должна справиться со страхами своего ребенка, справиться с его фрустрацией, которую и она начинает ощущать. Пока у ребенка не запущена функция, которая позволяет ему осознавать свои собственные мысли – он переносит свои переживания на свою мать. Здесь проективную идентификацию, по мнению Биона, можно воспринимать как раннюю форму способности к мышлению. В первую очередь он проецирует на мать свой страх смерти и распада, мать начинает переживать этот страх за него. Это проявляется как сильнейшее переживание за здоровье ребенка, граничащее с паникой, либо выливается в послеродовую депрессию. Послеродовая депрессия - это как раз отказ матери от той негативной проекции, которую направляет на нее ребенок. Ребенок же вместе с молоком матери с помощью интроекции получает любовь и тепло.

Психоаналитики с большим интересом рассматривают периоды детства, особенно самого раннего, да и более поздние периоды они подразделяют на периоды, анализируют их значение и особенности. Для них детство является важнейшим периодом в жизни человека. Это сложный для изучения феномен, в силу неудобности метода и специфики детских представлений.

Психоаналитики предают большое значение младенческому возрасту, когда формируются первые психические вопросы. Они обращают внимание на взаимоотношение ребенка и матери, на то как формируется это отношение, на то, как оно складывается в последствии и как элементарные моменты ухода за ребенком оказываются важнейшими для его психической жизни и преобразуются в очень важную систему восприятий и проекций.

Глава III. Коммуникация в детском возрасте и особенности освоения способов коммуникации

Важнейшим процессом является коммуникация ребенка с матерью в его младенческом возрасте. Этому феномену многие исследователи уделяют особенное внимание, мы обнаруживм значение этой коммуникации и для воспитателя Януша Корчака и обнаружили в психоаналитической традиции. Эта тема особенно выделяется и имеет огромное значение для исследования образа и детства в целом в том смысле, что именно посредством коммуникации постепенно происходит сближение ребенка и взрослого, отчасти через коммуникацию проявляется прохождение индивидом той или иной стадии взросления.

Дональд Вудс Винникотт, британский педиатр и детский психоаналитик, представитель теории объектных отношений обращается к данной проблеме в рамках своих исследований и начинает он именно с самого раннего возраста и рассматривает один из самых первых процессов коммуникации. Каждому ребенку в самом начале нужна забота и поддержка, как в физиологическом, так и в психическом смысле. Пока ребенок совсем маленький его зависимость от матери абсолютна, а мать посвящает все мысли ребенку. Если мать и окружающие поддерживают ступени развития, то ребенок делает важные первые достижение, одно из них Дональд Винникотт

определяет как «интеграцию», она возникает в момент, когда ребенок представляет собой целое. В основе этой интеграции и утверждения индивидуальности лежит ранняя связь, которая возникает между ребенком и матерью еще во время вынашивания. Для ребенка, пока он еще маленький нет ничего, кроме него самого, также и мать является его частью – так определяют «первичную идентификацию». Противоположным процессом является дезинтеграция, расщепление цельности. Условием нормального формирования психики ребенка является участие взрослого, хотя и реализуется на основе врожденной тенденции роста. Поэтому здесь невозможно не заметить о том насколько важна тема взаимоотношения ребенка и матери в самом начале их взаимодействия.

Говоря, о материнской заботе Виннекот замечает, что мать способна идентифицироваться с ребенком на ранних стадиях его развития, смотреть на мир его глазами, угадывать его потребности и желания. Такого рода коммуникация чрезвычайно важна, ведь именно она обеспечивает полноценное развитие ребенка и должный за ним уход.

О такой же коммуникации говорит и концепция Мелани Кляйн, где основой взаимодействия является взаимоотношение младенца и материнской груди. В жизни маленького ребенка кормление это одно из главных событий, которое с ним происходит. Грудь матери становится для ребенка психическим объектом. Это объект удовольствия (в том случае, если кормление происходит в тот момент, когда это желание появляется у ребенка) и объект неудовольствия, фрустрации (в том случае, если грудь не появляется в тот момент, когда ребенок хочет есть). Таким образом для ребенка появляется «плохая» и «хорошая» грудь, представления о которых уже оформляются в психике ребенка. Именно второй момент является некоторой основой для активации психического процесса- ребенок начинает желать грудь, представлять ее, именно в тот момент, когда маленький ребенок хочет кушать, а мать это не угадывает начинает работать представление, фантазия. Об этом же процессе говорит Бион. На основе этого процесса можно

говорить об одной из самых первых коммуникаций, которые случаются с ребенком – это его коммуникация с матерью, посредством кормления. Через этот процесс они обмениваются эмоциями, проекциями.

Чуть позже ребенок начинает вступать в активную коммуникацию и со многими другими людьми, этот процесс происходит постепенно, дети очень постепенно начинают взаимодействовать с окружающим миром, тут крайне важным становится язык, который постепенно расширяет область взаимодействия, если невербальный способ сообщения активно используется в общении с мамой, то для других людей необходим и более приемлим вербальный способ, поэтому постепенно дети осваивают и язык – основной способ коммуникации с окружающими.

Хабермас в своем труде «Моральное сознание и коммуникативное действие» отмечает, процесс, в ходе которого ребенок овладевает языком - обычно это происходит в возрасте от пяти до девяти лет.

Язык позволяет устанавливать связь с другими, выстраивать отношения, в языке происходит передача опыта и культуры. В развитии ребенка освоение языка играет огромную роль, так же, как и в формировании самой личности.

В ходе обоснования своей дискурсивной этики Юрген Хабермас рассматривает связь соотношения развития коммуникативных навыков и развития представлений о морали. В ходе такого исследования он обращается к психологии и сопоставляет предложенные Р. Селманом ступени смены перспектив, а также теорию развития морального сознания Л. Кольберга. В контексте данной работы рассмотреть это исследование оказывается важным, так как оно обращается к детству, его особенностям и процессу формирования индивида. Одной из его задач является обоснование моральных ступеней с точки зрения логики развития.

Лоуренс Кольберг предлагает шесть стадий морального развития, которые можно подразделить на три уровня – преконвенциональный, конвенциональный и уровень собственных моральных принципов. На первом уровне можно выделить две стадии. На первой индивид ориентируется на результат действия и исходя из него определяет было ли оно верным, на следующей оценка происходит исходя из степени удовлетворения собственных потребностей. Второй уровень можно разделить на стадию, где оценка действий происходит благодаря оценке окружающих, и стадию где появляется представление об общезначимости поступка, ориентация на поддержание порядка и исполнение долга. Последний уровень можно назвать постконвенциональным, где на первой стадии осознается мораль, основанная на общепринятых принципах и законах, а на последней формируется мораль, исходящая из индивидуальной философии и в соответствии с универсальными принципами.

Такое разделение в несколько уровней формирования моральных принципов Хабермас соотносит с уровнями, которые предлагает Роберт Селман относительно развития перспектив от первого к третьему лицу и обобщенному восприятию.

Именно язык обеспечивает начало процесса установления интересубъективности, благодаря чему в развитии ребенка появляется принятие неполных перспектив действия, которые характерны для первой ступени развития по Селману. Важным тут оказывается то, что ребенок, который умеет говорить уже имеет представление о том, как разделять слушающего и говорящего. Он понимает, когда речь адресована ему и каким образом он может адресовать ее кому-либо. Тут же примечательным моментом является умение отличать слова от действий, которое формируется во взаимосвязи с предыдущим – таким образом он осознает различие между речевым действием и эквивалентным ему действием, направленным на окружающие объекты.

При этом на данной стадии ребенок лишь соотносит себя с говорящим, но еще не смотрит с перспективы третьего лица. Эту перспективу становится проще уловить на примере с монетками спрятанными под чашкой (эксперимент описанный Флавелем – его же и приводит в пример Хабермас), ребенок улавливающий эту перспективу предугадывает ожидания другого по отношению к себе и складывает монетки под ту чашку на которой верно указана сумма. Он догадывается о том, что человек будет ожидать обмана и не совершает его. На этом этапе формируется крайне важное умение смотреть на коммуникативный акт с точки зрения второго участника, ребенок улавливает уже не просто разницу между собой и другим, но и начинает улавливать разницу в позициях. Способность посмотреть с перспективы третьего лица на происходящее приоткрывает многие возможности, в том числе и более структурированное понимание коммуникации и того, как она происходит, и понимание взаимосвязанных, но все же различных интересов в процессе одного и того же коммуникативного акта.¹⁰

Однако, в дальнейшем происходит еще одно действие развития и ребенок уже понимает, что сама схема игры и обмана знакома человеку, он может догадаться и об этом маневре – таким образом он начинает располагать перспективной структурой, он начинает принимать во внимание комплекс взаимонаправленных действенных перспектив, которые лежат и в основе его действий, и в основе действий второго игрока, теперь он видит их как систему. Это становится возможным благодаря тому, что ему удастся определить взаимонаправленные отношения между Я и Другим, появляется возможность отношения к игре с точки зрения наблюдателя. На этой стадии он познает конвенциональную ступень интеракции, именно для нее и характерна комплексная перспективная структура. Я начинает воспринимать Другого, как следующего определенным правилам, находящегося в стабильной модели поведения, он начинает осознавать наличие социальных

---

¹⁰ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. С.- 173.

структур, обнаруживает общезначимые правила и замечает зависимость действий окружающих его людей от некоторых правил.

Также и Пиаже в своей работе «Речь и мышление ребенка» замечает, что у каждой возрастной группы присутствуют свои особенности коммуникации и выстраивания речи. Так, он обозначает, что своеобразный монолог является особенностью одного из этапов формирования коммуникативных навыков. Монологи обладают такой особенностью, как «отсутствие у слова социальной функции. Слово не служит в таких случаях для сообщения мысли; оно служит для сопровождения, углубления или вытеснения действия.»¹¹. На данном этапе разговор с окружающими аналогичен для ребенка разговором с самим собой, а речь является еще некоторым подражанием. Тут проявляется некоторая неспособность уловить сам принцип взаимодействия с окружающими, что коррелирует со стадиями, где изначально ребенок демонстрирует отношение к коммуникации лишь с перспективы первого лица.

Продемонстрированная взаимосвязь помогает увидеть ребенка с точки зрения его соотношения с обществом, но не в социальном смысле, а в индивидуально-психологическом аспекте, интересен процесс выстраивания связей с окружающими, освоение механизмов взаимодействия. Отсюда можно сделать определенные выводы о том, как ребенок проявляет в себе социальную личность уже на самых ранних этапах развития, не обладая еще достаточными навыками и не осознавая всех правил человеческой коммуникации, он тем не менее нуждается в ней и использует достаточно обширный круг способов сообщения с окружающими.

Таким образом оказывается крайне важным рассмотрение процесса обучения языку, ведь вместе с ним ребенок постепенно осваивает возможности и правила взаимосвязей между участниками коммуникации,

---

¹¹ Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. — М.: Педагогика — Пресс, 1994. — С. 23.

усваивает различные перспективы и начинает воспринимать социальную сферу как конвенциональную.

Глава IV. Воспитательные методы интернатов – Школа имени Достоевского

4.1 ШКИДские рассказы и критика воспитательного процесса

Опыт интернатов и тем более интернатов тюремного типа на первый взгляд кажется очень специфическим и, быть может, не подходящим для исследования детства в целом, однако следует обратить внимание и может даже довольно пристальное на такие явления, а тем более на их осмысление воспитателями и организаторами таких домов.

Важным моментом тут становится то, что дети в такой ситуации оказываются перед лицом многих проблем, которые нехарактерны для окруженного опекой домашнего ребенка. Отсутствие родителей предоставляет возможность увидеть те черты детского восприятия, которые маскируются или даже не имеют возможности раскрыться в условиях воспитания в семье. Но цели взросления и задачи воспитания остаются во многом неизменными при любых обстоятельствах. И одной из главных таких задач становится подготовка к самостоятельной жизни. В своем исследовании Кон подмечает, что такой подход к ребенку, с позиций подготовки к будущей жизни появляется не сразу, но с развитием общества: «Если на ранних стадиях общественного развития преобладает непосредственное практическое включение детей в деятельность взрослых,

то в дальнейшем все большую роль приобретает систематическое обучение, которое может быть в течении какого-то срока вовсе не связано с производительным трудом. Иными словами, «подготовка к жизни» отделяется от практического участия в ней»¹².

Мне бы хотелось рассмотреть в этом контексте довольно известное произведение Л. Пантелеева и Г. Белых «Республика ШКИД». Это книга, написанная двумя выпускниками такой школы, отчасти она носит автобиографический характер, но все же является художественным произведением. Примечательно то, что произведение практически не правилось редакторами, а значит во многом несет в себе тот образ детства, который может продемонстрировать общество воспитанников.

Оценить те моменты этого произведения, которые связаны с методиками воспитания, довольно сложно, так как в этом смысле оно встретило некоторую критику, в том числе и со стороны Крупской. Она отметила, что ШКИДа более походит на типичную бурсу, в которой воспитательные методы и способы контроля слишком жестоки и не соответствуют предписаниям Советской власти. «...в детдомах должен в центре всего стоять труд, - не тяжелый физический труд, не труд, как наказание, а труд, увлекающий ребят, организующий их, труд, тесно связанный с учебой. Постановили преподавание увязать с жизнью, сделать его понятным и близким ребятам, связать с общественной работой... Постановили, на конференциях за это проголосовали.

А на деле - не в Чухломе какой-нибудь, а в Ленинграде процветает советская бурса, руководимая людьми, работа которых ничего общего с задачами, поставленными советской властью, не имеет.»¹³. Крупская делает акцент на том, что требования к педагогической деятельности со стороны

---

¹² Кон И.С. Ребенок и общество: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С.152

¹³ В. А. Ильина, Е. П. Андреева, В. Г. Кирпичникова и др. Педагогическая библиография. – М.: Просвещение, 1967 - С. 370.

власти были совершенно другими, нежели изображено в произведении и некоторые другие подобные интернаты справлялись с задачей в отличие от данного примера.

Критически по отношению к данному произведению высказался и Макаренко. Он отмечает, что описанные случаи изображают лишь не очень достойные развлечения воспитанников, которые не очень-то воспитываются за время их нахождения в школе имени Достоевского. На протяжении всего произведения ребята становятся только более спокойными и изощренными в своих поступках. Воспитатели не добиваются ни уважения, ни авторитета, но только лишь демонстрируют силу и контроль с помощью неподобающих методов. «Воспитательный метод руководителя "шкиды" Викниксора и его помощников совершенно ясен. Это карцер, запертые двери, подозрительные дневники, очень похожие на кондуит. Здесь сказывается полное бессилие педагогического "мастерства" перед небольшой группой сравнительно "легких" и способных ребят.»¹⁴. Это низкий уровень педагогической деятельности и отсутствие должного подхода. Стоит отметить, что и Крупская, и Макаренко активно критикуют именно тенденцию к дисциплинарным методам в виду неумения применить более сложные и действенные педагогические мотивы. Последнее, что остается педагогам это использовать довольно жестокие наказания, изолировать нашкодивших.

«Такой педагогический процесс, какой здесь изображен, может привести к чему угодно. На с. 134 мы уже видим результаты такого воспитания.

Изображается пожар. Целая толпа взрослых ребят увидела дым. Что эти ребята делают?

"Началась паника. Кто-то из малышей заплакал трусливо..." (Читает.) Ни один из воспитанников не бросился туда, а бросилась женщина»¹⁵.

---

¹⁴ А.С. Макаренко Педагогические сочинения т.7 М.: Педагогика, 1986. - 252 с.

¹⁵ А.С. Макаренко Педагогические сочинения т.7 М.: Педагогика, 1986. - 261 с.

Приводя это пример, Макаренко уточняет, что это демонстрация неудачи воспитательного процесса, в воспитанниках отсутствует самостоятельность, осознанность, социальная ответственность. В них не заложены ценности, которые необходимы гражданину государства. В Советском коллективе необходимо должны проявляться умение самостоятельно и сознательно справляться с возникающими проблемами. Он также, как и Крупская отмечает, что примеры такого воспитания можно встретить, но также с горечью отмечает и реалистичность данного произведения, подчеркивает действительность того, что ребята, которые попадали в такие школы – это очень закаленные и уже научившиеся бороться за себя дети и юноши, забастовки и избиения преподавателей были для них способом заявить о себе и добиться определенных условий. Это не художественный вымысел, а печальная практика того времени и действительность таких воспитательных методов, какие описаны в «Республике ШКИД» также не вызывает у Макаренко никакого сомнения, потому его критика и оказывается довольно резкой и однозначной. Еще более ясно значение этого произведения становится, когда Макаренко пишет о том, что, когда сначала прочитал эту книгу, то воспринял ее как некоторое пособие по воспитанию и лишь после определенной педагогической деятельности смог реально оценить весь масштаб этой неудачи.

Надо отметить, что действительный руководитель «Школы социально-индивидуального воспитания имени Достоевского для трудновоспитуемых» Виктор Николаевич Сорока-Росинский отвечает на эту критику его деятельности в своем произведении «Школа Достоевского», где отмечает, что произведение в первую очередь художественное и там слишком много вымысла, чтобы оценивать только лишь через подобранные рассказы его педагогическую деятельность, а вернее необходимо учитывать поэтичность и юмористический мотив всего произведения. Тем не менее, он подтверждает, что сюжеты не являются вымыслом, они взяты действительно из практики и если должным образом прочитывать «Республику ШКИД», то можно увидеть

и реальные методы работы с воспитанниками, которые он вместе с коллективом преподавателей использовали в своей практике, особенно он подчеркивает успехи ребят, которых они выпустили, их дальнейшие судьбы, которые связаны и с успешным дальнейшим обучением, и с примерами абсолютной социализированности и адекватности обществу. Также он подчеркивает игровой процесс, который тогда еще не был признан как способ воспитания и обучения, однако интуитивно использовался в школе и оказался крайне продуктивным методом. «Разумеется, вовсе не следует полагать, что между нами и нашими питомцами были всегда непременно враждебные или хотя бы натянутые, холодные отношения. Нет, даже в моменты самой, казалось бы, беспричинной безудержной «бузы» было больше игры, чем какой-либо вражды. И если по ее правилам, когда была объявлена Улиганией война «халдеям», надо было взять в плен пришедшего на урок преподавателя Алникпопа, то добродушный «дядя Саша», как его называли ребята, вовсе не впадал из-за этого в раж, а, признав себя пленником, садился за стол и начинал урок, причем и «неприятель» ничего не имел против этого, раз условия игры не нарушались, и охотно занимался историей.»¹⁶. Описания со стороны педагога представляют картину большего взаимопонимания между педагогами и учениками, более того он описывает дисциплину как игру, в которую согласились играть обе стороны, находит в это много важных воспитательных моментов и отмечает, что со временем Самоорганизация в школе достигла высшего своего проявления и практически не требовала вмешательства, самому Сороке-Росинскому предоставлялись лишь уже составленные отчеты о происшествии и предоставляли ему возможность вынести справедливое решение, право на которое все же оставалось у самих преподавателей.

Таким образом, прения по поводу произведения представляют собой различные позиции по поводу воспитания подрастающего поколения и тем

---

¹⁶ Сорока-Росинский В.Н. Школа Достоевского URL: <http://www.kommunarstvo.ru/biblioteka/bibisorshk.html> (дата обращения: 15.02.2017)

более, что большая масса тогда относилась к изначально маргинальным группам. Что само по себе является важной ступенью в становлении образования и показательным примером не только восприятия детства со стороны воспитателей, столкнувшихся с большим количеством проблем и сложных задач, но и общества в целом.

Однако, как много могут рассказать сами истории, те сюжеты, которые были отобраны самими авторами, в них отражаются и детское отношение к миру и отношение окружающих к ребячеству. Конечно, невозможно не иметь в виду социальную обстановку в то время, да и социальное положение тех ребят, которые становятся главными героями. Однако, на мой взгляд это имеет свою ценность, образы ребят в самом начале представляют собой образы детства вне некоторого обрамления. Этот образ меняется на протяжении рассказов, произведение демонстрирует читателю то влияние, которое оказывает на воспитанников система воспитания, само дисциплинарное заведение и необходимо возникающая внутри самого коллектива социальная структура, система естественно возникших правил. Последнее прослеживается и сюжетно, многие рассказы связаны именно с тем, что в уже сложившемся определенным образом коллективе появляется деструктивный элемент, появление нового воспитанника приносит некоторую проблему, а именно столкновение еще не подчинившегося индивида и системы, которая уже наладила взаимосвязи внутри себя. Таковы эпизоды с героями Мамочка и Слаеновым. В главе Великий Ростовщик в коллективе появляется новенький – Слаенов, он замечает, что обеды в интернате довольно скудны и быстро сориентировавшись, начинает это использовать – начиная с того, что одалживает один кусок хлеба малышу, но с условием, что тот вернет ему больший кусок во время следующего приема пищи. Так практически всех воспитанников он втягивает в свою игру в ростовщичество, практически все ему что-то должны и каждый постоянно испытывающий голод ребенок вблизи соблазна воспользоваться услугами Слаенова. Тот же выстраивает целую систему долгов и повинностей. Так в

обществе ребят появляется новое явление, которое если не ломает систему, то мешает ее прежнему функционированию. Вначале практически вся Шкида без задней мысли втягивается в эту авантюру, выросшие вне правил и законов ребята не замечают, что эта выдумка недопустима. Многие вопросы в Шкиде по-прежнему решаются кулаками и драками, самосудом, а потому и внесистемное явление могло бы быть наказано соответствующим образом, но в условиях голодного времени ребят легко задобрить пайкой хлеба – старшие не вмешиваются за еду, а младшие не могут дать отпор и вынуждены мириться с незаметно появившейся в Шкиде эксплуатацией. Дисциплина, которую пытается там установить Викниксор продавилась под хитроумной попыткой покорить школу Слаеновым. В этой детской республике (как они сами себя называли) сначала общество воспитанников не смогло само себя защитить от попыток нарушить гармонию и захватить власть. Однако, вскоре Ростовщик заигрывается, что встречает уже ожесточенное недовольство и Шкида сама постепенно очищает себя от такого пагубного явления. Самостоятельно осознает свои ошибки и снова выравнивается. Здесь можно отметить, что в лице ребят боролась с этим ростовщическим напастем все же дисциплина, которой воспитанники успели пропитаться. В условиях естественных подобное поведение могло бы быть ликвидировано другими методами, в первых повестях демонстрируются правила, в соответствии с которыми осуществляется коммуникация среди детей и подростков вне дисциплины и контроля со стороны воспитателей – это среда, где более проявляется естественный инстинкт, который еще не подчинен общественному порядку. Принципы справедливости формируются на основе личных мотивов или мотивов группы, которая ориентируются либо на выгоду, либо на стремление к выживанию. Уже столкнувшиеся с воспитанием и дисциплиной ребята все больше оглядываются на принятые порядки, так или иначе устанавливаются некоторые правила с оглядкой на нормы уже действующие в мире взрослых, в обществе, которое и старается сформировать индивидов поддерживающих систему, а не разрушающих ее.

Процесс воспитания при этом имеет в виду одну и ту же цель, хотя и использует различные методы. Таким образом, семья формирует ребенка через постепенную приобщение ко значимым в контексте этого института задачам и вопросам, через личный пример каждого из членов семьи, через выстраивание взаимоотношений внутри маленького общества, где роль ребенка постоянно меняется качественно – он обретает новые обязанности и новые возможности. Конечно, система поощрений и наказаний также присутствует, но совместно с ней вступают в силу другие многочисленные факторы. Януш Корчак подробно рассматривал воспитание в семье и воспитание в детских домах. Через его труды заметно различие которое приходится учитывать при осмыслении детства и тем более способов подготовки ребенка к самостоятельному взаимодействию в обществе. Через семью более естественным путем усваивается система взаимоотношений, да и устройство общества, так как обучение происходит в школах – совершенно по-другому устроенный институт, который использует уже дисциплинарные методы и демонстрирует совсем другое отношение к детству. К тому же элементарные условия ухода, которые человек в последствии необходимо должен сам себе обеспечивать в семье демонстрируются ежедневно и через пример самых близких к ребенку людей, которым он доверяет, которые неминуемо становятся первым ориентиром при взрослении, даже если после эти ориентиры будут переосмыслены. Через тот же пример членов семьи он имеет возможность проследить социальную реальность, в которой он живет, это происходит в процессе участия в семейных мероприятиях, общения с членами семьи, каждый из которых представляет определенные роли и статусы в обществе. Ребенок в доме воспитания оказывается вне ситуации сравнения различных путей социализации, вне возможности заметить различия между институтами семьи и школы, где по-разному трактуется его роль и значение в обществе. Однако, его необходимо научить ухаживать за собой и привить нормы, принятые обществом. В данной ситуации пригодными оказываются дисциплинарные методы, которые воздействуют

постепенно через телесные практики, наказания, поощрения. Необходимые правила усваиваются именно как правила, которые воспринимаются не с примером ближнего, а их необходимо принять на веру или придется впитать в условиях постоянного воспитательного процесса.

4.2 Дисциплинарные методы в интернате

Здесь бы мне хотелось вспомнить Мишеля Фуко и его рассуждения о дисциплинарных учреждениях.

В условиях интерната мы наблюдаем принцип «отгораживания», это важный момент воспитательного режима, который позволяет постоянно удерживать воспитуемых в пространстве контроля и обеспечивает возможность наиболее глубоко регулировать их жизнь. Но Фуко отмечает, что « принцип «отгораживания» не является ни постоянным, ни необходимым, ни достаточным в дисциплинарных механизмах. Они прорабатывают пространство много более гибким и тонким образом. Прежде всего, по принципу элементарной локализации или расчерчивания и распределения по клеткам «...» Дисциплинарное пространство имеет тенденцию делиться на столько клеточек, сколько есть тел или элементов, подлежащих распределению.»¹⁷ В произведении республика ШКИД мы наблюдаем как раз, как постепенно естественные объединения шкидцев переформируются в группы, определенные воспитателями, им предлагаются обязанности, устанавливается принцип самоуправления, но это контролируемое самоуправление – воспитатель оставляет за собой право не просто контролировать, но и в любой момент менять правила игры. Это тонкий воспитательный ход, который помогает смирить свободолюбивых ребят с дисциплиной, которая необходима для воспитательного процесса.

Важным принципом также является правило индивидуализирующего распределения. В интернате это реализуется через творческий и учебный процесс. Вся масса индивидов распределена по классам согласно возрастам,

---

¹⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы М.: Ad Marginem, 1999. - С. 208.

ведутся журналы учета успехов и контроля за успеваемостью. Всяческие творческие конкурсы и проекты (такие как выпуск местных газет, журналов, постановка спектаклей) распределяют воспитанников по определенным ролям в зависимости от их способностей и талантов, индивидуализируя процесс такие проекты все же распределяют участников в соответствии со внешним по отношению к ним принципом рациональности, которая определяется извне, сверху.

Фуко отмечает также взаимозаменяемость между индивидами, которые входят в какое-бы то ни было дисциплинарное пространство «Дисциплина – искусство ранга и техника преобразования размещений. Она индивидуализирует тела посредством локализации, которая означает не закрепление их на определенном месте, а их распределение и циркулирование в сети отношений.»¹⁸. В интернатах это также ярко выражена взаимозаменяемость, как уже было отмечено – даже то, что называется самоуправлением оказывается лишь игрой, которую для воспитанников, у которой тем не менее есть ведущий, который в праве устанавливать и менять правила, распределять роли и определять успевающих и отстающих. К тому же само распределение по классам, по заданным заранее ячейкам, по которым ученик путешествует перескакивая из одной в другую оказываются демонстрацией взаимозаменяемости, демонстрации системы, которая властно установлена и позволяет лишь занимать некоторое место внутри себя, но не выстраивать самостоятельно элементы и взаимосвязи. Это касается не только интернатов, но и образовательных учреждений в целом, которые с некоторого времени стали важным этапом во взрослении каждого индивида и с введением всеобщего образования важной составляющей властного дискурса, контролирующего образовательно- воспитательные процессы всего общества. «Предусмотрев индивидуальные места, оно сделало возможным контроль за каждым и одновременную работу всех. Образовалась новая экономия времени

---

¹⁸ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы М.: Ad Marginem, 1999. - С. 213.

обучения. Школьное пространство стало функционировать как механизм обучения, но также надзора, иерархизации и вознаграждения.»¹⁹.

Таким образом мы наблюдаем в условиях интерната работу по дисциплинированию изначально выпавших из пространства общепринятых норм индивидов. Тем более интересно упоминание о Фуко здесь в том смысле, что его рассуждения имеют некоторую ссылку на мысль, что именно маргинальные феномены позволяют рассматривать некоторое явление вне рамок властного дискурса. Сам Фуко, чтобы ускользнуть от этого дискурса рассматривал такие феномены, как безумие или преступление. В данном контексте детство, которое рассматривается вне рамок семейного воспитания и вне предполагаемого обществом хода развития событий может также помочь нам увидеть некоторые истинные мотивы детства, не отягощенные господствующими или даже предписанными представлениями о нем. Возвращаясь к рассматриваемому произведению, оно имеет в этом смысле еще и ту ценность, что демонстрирует переход из одного состояния в другое, процесс постепенного подчинения и вхождения изначально оторванных индивидов в пространство установленных дискурсивных формаций.

4.3 Литературное произведение «Республика ШКИД» и его экранизация

Особенно интересно оказывается сравнить эту книгу с ее последующей экранизацией, которая была снята несколько позже, произошли некоторые изменения и в обществе, и в отношении к детям в том числе. Образ детства несколько меняется, накладывается представление о детях уже более благополучного общества. Экранизация была создана в 1966 году киностудией «Ленфильм», Режиссером данной картины был Геннадий Полока, сценарий же был написан соавтором пьесы Алексеем Пантелеевым. Позже Пантелеев отмечает, что в экранизации слишком мало рассказано о творческих и познавательных интересах обитателей ШКИДы. Полока гораздо больше внимания уделил Виктору Николаевичу Сороке – Росинскому

---

¹⁹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы М.: Ad Marginem, 1999. - С. 215

(Викниксор). Возможно, это можно связать с тем, что детские учреждения уже меняли свою специфику, появилось большее количество уставов и документов регламентирующих поведение преподавателей, деятельность же преподавателей того времени была настоящим творчеством. Своим трудом они не просто воспитывали детей, но создавали эту систему воспитания, сопровождения во взрослую жизнь. Мир детства спустя несколько десятков лет же стал наоборот более прозрачен, в чем-то более изучен, в чем-то просто более устроен. Действительно, в самом произведении, написанном воспитанниками внимание преподавателям уделяется не такое значительное, в экранизации они также не становятся главными героями, но все же отчетливее прослеживается их влияние на те изменения, которые происходят в устройстве жизни ребят. Хоть и не ярко, но многие сцены акцентируют внимание на той чуткости и том терпении, которое они проявляют, на методах, которые незаметно воздействуют на неорганизованное общество воспитанников. В повести же воспитатели появляются совсем незаметно, жизнь в повести полностью принадлежит самим главным героям, им подчинено и время, и развитие сюжета, сама ШКИДа переживает победы и поражения. Такое преобразование можно связать еще и с тем, что воспитательные методики, более очерченные и четкие спустя время представляют несколько другую, более непререкаемую роль педагогов, методы стали мягче, но они оказываются более авторитарными, ученик менее выражен, как участник процесса, он становится скорее подопечным, который необходимо должен следовать той линии, которую избирает педагог. Тут можно отметить и изменения в отношении к детству, теперь воспитанники должны следовать тому процессу, который им предлагается, во время же действия самой школы и написания произведения ученики вместе с воспитателями выстраивали сообща методы совместного воспитательного процесса за неимением установленных властью четких программ, в которых было бы прописано вплоть до мелочей каждый урок и всякая воспитательная деятельность. Появление планирования охватывает все возможные

программы школьного, тем более детдомовского обучения и выносит воспитуемых однозначно как объект в этом процессе, детство становится все более и более несмысленным в глазах общества и предполагает все больше опеки над собой.

Шестая глава посвящена как раз преподавателям, в ней очень кратко и в общих чертах набросаны образы даже тех, кто по словам авторов оставили самые лучшие и теплые воспоминания. Людей, которые не справились с этой работой было очень много. «Халдей – это по-шкидски воспитатель.

Много их перевидала Шкида. Хороших и скверных, злых и мягких, умных и глупых, и, наконец, просто неопытных, приходивших в детдом для того, чтобы получить паек и трудовую книжку». Воспитатели являются как-бы потоком, который сопровождает школу, но никак не ее основой.

В экранизации ситуация меняется. Преподаватели показаны, как важные персонажи, а особенно Викниксор, в некоторых сценах подробнее чем в самой повести отображены его действия, его переживания – он становится героем, которому сопереживает зритель. Отчасти, время и пространство всего фильма выстроены вокруг именно этого героя и тем самым подчеркивается необходимость учителя в жизни каждого ребенка и особенная важность преподавателей для детства.

Таким образом и сам образ детства немного меняется – от самостоятельной общности ребят, которые задают темп и ритм происходящего, своим существом, поведением демонстрируют образ детства, происходит переход к общности, которая постоянно формируется под чутким воздействием воспитывающей руки мудрого преподавателя. Во втором случае образ детства в некотором смысле задает воспитатель, который трактует действия ребят и с высоты опыта и навыков представляет способы взаимодействия с ними. В фильме часто персонажу Викниксору предоставлены комментарии о том, что представляют из себя его

воспитанники – это взгляд со стороны, но именно он теперь и определяет, что есть детство и каким образом необходимо с ним взаимодействовать.

Структура произведения также немного искажается – в тексте повести каждая новая глава, хоть и продолжает общий сюжет, но все же становится новым испытанием, отдельным уроком для школы и ее воспитанников. В фильме структура более связанная, что можно объяснить необходимостью поддерживать сюжет. Но главное, что в экранизации намечено некоторое поступательное движение. Рассказы в повести каждый раз будто начинают с нулевой точки, представляют собой сборник о проказах воспитанников, в то время, как в фильме новый урок усваивается уже на основе старого. Ребята меняются – из совсем неотесанных бродяг – они превращаются в абсолютно социализированных граждан. Произведение, написанное в 20х годах, напротив изначально предлагает нам ребят способных и заинтересованных, но не обладающих навыками подходящей коммуникации и дисциплины, необходимой при воспитании; испытывающих некоторое недоверие к системе и пытающихся привнести в нее правила, усвоенные с улицы – вне системы. В каждой истории они по-разному проявляют уже изначально присутствующие в них качества.

При сравнении произведения и его последующей экранизации хотелось бы еще сравнить их по композиции и акцентам, которые делались писателями и режиссером. В фильме мы часто наблюдаем сменяющуюся динамику, часто кадры, демонстрирующие «бузу» ускоряются – мы наблюдаем повышенный темп, они становятся как бы фоном, моменты же воспитательной работы и примирения преподавателей с учениками показаны в естественном темпе, иногда кадр затянут, останавливается на этих моментах – можно сказать, что композиционно выносит их на первый план. Таким образом мы прослеживаем акцент на том, что процесс воспитания это в первую очередь работа преподавателя.

В своей работе «Структура художественного текста» Ю. Лотман в одной из глав говорит о том, что в художественном тексте также можно выделить разные планы. «Композиция художественного текста строится как последовательность функционально разнородных элементов, как последовательность структурных доминант разных уровней.»²⁰, в зависимости от темпа, который мы также можем отметить в тексте, от количественных характеристик описания мы можем проследить, что именно автор выносит на первый план. В тексте, написанном Пантелеевым и Белых мы наблюдаем довольно равномерное описание, однако именно в тех моментах, когда важным становится именно некоторое решение воспитателей или их действие – темп становится заметно быстрее, описание более тезисным, в описание ситуации включается большее количество действующих лиц и таким образом это описание становится как бы фоном к тем действительным ситуациям, которые происходили не в воспитательной работе, а внутри коллектива воспитанников. Описания более подробные и точные, выделяющие главного персонажа связаны как раз с происходящим между ребятами, с их восприятием. Таким образом, композиционно мир преподавателей становится несколько внешним по отношению ко всему происходящему в рассказах, хотя и важность их несколько не нивелируется, она подчеркивается и довольно ярко в некоторых эпизодах, но оставаясь все же несколько внешней.

Такое наблюдение можно связать и с тем, что писали повести сами воспитанниками и естественно, что они могли рассматривать ситуацию скорее с позиции воспитанников, однако писали они уже по выпуску, это были одни из тех ребят, кто в последствии скорее вставал в ряд с воспитателями, участвовали в организации жизни школы. К тому же повесть почти не правилась, но все же получила некоторую редакцию после прочтения издателями. А потому можно сказать, что здесь проявляется именно само отношение к детскому коллективу, в то время представления о

---

²⁰ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Санкт-Петербург.: Искусство-СПб, 1998. – С. 264.

воспитании были не такими структурированными. Дети представлялись довольно самостоятельными и самоорганизующимися, их стоило лишь немного отредактировать, немного направить. Чуть позже представления меняются, речь идет о полноценном всестороннем воспитании, учитывающем все сферы жизни ребят. Конечно, тут необходимо сделать ссылку и на изменение социально-политической обстановки и устаканивание государственного режима. Но не мало важным является и тот факт, что убеждение в детской самостоятельности продолжает снижаться, а методы воспитания и контроля все более привлекают внимание как родителей, так и учителей. Это демонстрирует тенденцию к восприятию детства как периода незрелости, отмеченного именно недостаточностью развития, вне осознания особенной ценности ребенка, как особенного человека вполне состоявшегося на определенном уровне, требующего внимания к своей индивидуальности. Именно против такого отношения к детям можно прочесть у Януша Корчака.

Глава V. Педагогический опыт Януша Корчака

Феномен детства неминуемо связан с вопросами воспитания, и не только воспитания. Тут появляются очень важные моменты, связанные с тем, как ребенок социализируется, как он из детского возраста переходит в подростковый и как из подростка он превращается в самостоятельного взрослого человека. Как подготовить его к этому моменту, чтобы столкновение с самостоятельностью не порождало иллюзий и ошибок. Вопросы воспитания рассматриваются довольно широким кругом авторов и в каждом подходе есть свое понимание того, что такое ребенок и что именно ему необходимо, чтобы он стал полноценным взрослым. Воспитательные методики должны исходить из какого-то представления о феномене детства, невозможна воспитательная система, в которой нет ясного представления, о том, что такое ребенок, чем характеризуется период детства. Но мало выявить основные черты – необходимо еще умело расценить их и суметь с ними работать.

С развитием представлений о детстве появлялись различные подходы к воспитанию. Представление о ребенке очень тесно связано с предполагаемыми методами воспитания. Таким образом, если ребенок видится как еще не до конца оформившийся взрослый, то отсюда вытекают определенные мотивы в воспитании. Опекун над несовершеннолетним выливается в попытку уберечь его от всех опасностей, в список которых часто попадает множество необязательных для запрета вещей. Так малышу преграждают путь ко всем предметам, которые потенциально могут нанести какой-либо вред, более того, которым вред может нанести он. Многие вещи остаются недостижимы потому что он может сломать, испортить, сам удариться. Речь тут идет не о тех обязательных предостережениях, которые должны соблюдать взрослые, но о том опыте, который стоило бы ребенку пройти самому, совершить некоторые ошибки, которые пусть и будут ошибками и принесут некоторое неудобство и самому ребенку, и

окружающим, но зато подарят действительный опыт, по-настоящему значимое для него знание. Тут можно привести слова Януша Корчака, который в своем произведении «Как любить детей» довольно много говорит о том, что воспринимать ребенка только лишь как будущего взрослого опасно и ведет к огромному количеству ошибок в воспитании. «Есть как бы две жизни: одна важная и почтенная, а другая — снисходительно нами допускаемая, менее ценная. Мы говорим: будущий человек, будущий работник, будущий гражданин. Что они еще только будут, что потом начнут по-настоящему, что всерьез это лишь в будущем. А пока милостиво позволяем им путаться под ногами, но удобнее нам без них.»²¹

5.1 Воспитание в семье

Януш Корчак, польский педагог и воспитатель, посвятивший свою жизнь работе с детьми, осмыслению детства и способам общения с детьми и их воспитания как раз выражает другую позицию по отношению к детям если не крайне противоположную, то по крайней мере резко отличную от выше упомянутой.

Он рассматривает ребенка в разных сферах, где мы можем его встретить в различных обликах и с различным набором функций и ролей. Он отмечает, что важно спросить о том, что такое ребенок и воспитателей, так как родители часто примешивают к этому слишком много личного, субъективного.

Тем не менее он подробно рассматривает ребенка в семье, особенно материнство и отношение матери к ребенку. Тут он подмечает некоторые негативные моменты, которые связаны с тем, как мамы воспринимают своих детей, ведь отчасти именно таким образом складывается представление о детстве. Ребенок не возможен без матери, его родившей и во многом именно ее отношение к нему закладывает представление в обществе о детях вообще, никто не становится ребенку ближе, чем мать. Тут я имею в виду не

---

²¹ Корчак Я. Избранные педагогические произведения М.: Просвещение. - 1966. - С. 280.

конкретные случаи, в которых по-разному могут складываться взаимоотношения, но именно природный и общественный смысл материнства и детства.

Во-первых, Корчак подмечает, что мамы часто называют ребенка своим, один из заголовков его книги «Как любить детей» так и звучит «Ты говоришь: Мой ребенок» и этот мотив всплывает неоднократно в других главах. На это он отвечает однозначно: «Ребенок не твой», он отсылает к тому, что в ребенке смешивается множество кровей, сам он является порождением множества сложившихся фактов, это не личное достижение и тем более не личное приобретение. Важно тут и то, что ребенок сам по себе после рождения становится отдельным человеком, и необходимо осознавать его не-принадлежность кому-либо, а главное то, что он принадлежит самому себе. Отсюда также вытекают некоторые последующие и представления о мире ребенка, как о мире, которым дополнительно обзавелись взрослые, в который они могут вмешиваться, который они имеют право формировать. Отсюда проистекают и дальнейшие мотивы воспитания. Также он отмечает факт разрыва матери и ребенка, сначала телесный разрыв при рождении, а после и разрыв при его взрослении. Это болезненные моменты в их отношениях, они непросто переживаются и демонстрируют дополнительно мощнейшую связь, вне которой рассмотрение детства будет неполным. Этот сюжет более подробно рассмотрен и разработан в психоанализе, о котором необходимо будет также сказать. Но и тут, в поучительном описании педагога эти моменты подмечены, как важные, так как они являются некоторыми контрольными точками, от восприятия которых будет зависеть отношение к детству. К тому же, не смотря на то, что матери не стоит воспринимать ребенка, как нечто принадлежащее ей, она должна учитывать эту уникальную связь, которую не сможет восполнить никто другой. С горечью Корчак отмечает, что многие мамы не готовы столкнуться с трудностями воспитания детей, да и ухода за ними, а именно в этом нелегком процессе рождается «чудесный союзник, ангел-хранитель ребенка - интуиция материнского

сердца, предвидение, которое складывается из воли исследователя, мысли наблюдателя, незамутненности чувства.» Это важный момент, который показывает, что материнство это, говоря поэтическим языком, предназначение, которое следует выполнить, а не развлечение, которым можно заполнить свою жизнь. К сожалению, Корчак замечает, что часто рождение ребенка становится именно таким способом наполнить свое существование, оправдать общественные ожидания, поступить согласно обычаю и негласным (а иногда установленным) предписанным нормам. Более того, часто вынашивание и рождение ребенку преподносится как одолжение, собственная жертва: «Роды в обществе, фетишизирующем наживу, явление столь редкостное и чрезвычайное, что мать со всей категоричностью требует от природы щедрого вознаграждения. Если уж она пошла на издержки, неприятности, доуки беременности, решила на родовые муки, ребенок должен быть только таким, о каком она мечтала.»²². Так в образе детства и появляется ожидание, вместо проживания здесь и сейчас, вина вместо естественного процесса ознакомления с миром, разочарование вместо удовлетворения.

Говоря о воспитании детей, Корчак часто начинает описывать и детство как таковое. Его сильно волнует отношение общества к ребенку – его поучают, наставляют, исправляют ошибки и что самое печальное – ругаются за незнание и неудачи. Очень чутко он предлагает уважать детское незнание, позволить ему осмотреться, позволить самому спросить и подсказать если попросит помощи, не ругать за неудачи, а поддерживать. Корчак призывает испытывать большее уважение к детскому, не относится к его играм, мнениям, грезам, собственности, как к шутке: «Существует ли жизнь в шутку? Нет, детский возраст — долгие, важные годы в жизни человека.»²³. Он отмечает также детские слезы и капризы как справедливую жалобу на

---

²² Матянин О.П. Антология гуманной педагогики / Корчак Я. Как любить ребенка М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, – 1998. – С.-50.

²³ Корчак Я. Избранные педагогические произведения М.: Просвещение. – 1966. – С.- 281.

недостаток опеки, но и их взрослые часто оценивают лишь как смешное недоразумение. Все детское кажется взрослым каким-то несерьезным, они сравнивают проблемы ребенка со своими и порицают его за праздные заботы. В этом прослеживается неуважение к этой огромной части населения, ведь эти годы тоже являются частью жизни, и они также важны для будущего, как и более сознательные. Обнаружить какую-нибудь простую закономерность не то же самое. Что скажем поступить в институт, но на определенном этапе это достижение абсолютно равноценное. Надо позволять ребенку и радоваться, и огорчаться, нельзя оставлять ему только будущее, его настоящее необходимо ценить ничуть не меньше, к тому же необходимо научить его ценить это настоящее и иначе и в том самом будущем, он уже не сможет ценить сиюминутное.

Очень интересным мне кажется замечание Корчака о вине. Ребенка постоянно обвиняют во всех неудачах и с тех пор и до сих пор распространенная фраза «Вот ведь можешь, когда захочешь», он упоминает ее и в нашей действительности спустя много лет ее часто приходится слышать в отношении детей. Но это касается не только их, взрослые тоже «могут, когда хотят» и не очень получается, когда не хочется. Это призыв к ответственности, к ответственности за выполнение желаний взрослых. Она обвиняет не столько в ошибке, сколько в нежелании, не учитывает естественного процента ошибок в деятельности каждого человека, вне зависимости от возраста. Здесь прослеживается отчетливое представление о детстве, детстве которое постоянно должно без ошибок соответствовать ожиданиям родителей, воспитателей, учителей. Очень часто в разговоре о детях забывают, что любить в человеке важно не только его достоинства, но и недостатки. Не просматривается поиск личности, индивидуальности самого ребенка – его вылепливают и наказывают, и винят за несоответствие его поведения этому процессу. Именно тут прослеживается тенденция к контролю, желание воздействовать различными, в том числе дисциплинарными методами – работа производится школами,

общественными объединениями, семьей – ребенка постоянно пытаются удерживать в зоне контроля и речь идет не только о физической его безопасности, но и о его личных, сокровенных мыслях и делах.

Сокровенные мысли дела также стоит отдельно выделить, а особенно игры. Корчак выделяет игру, как очень важный процесс, с помощью которого ребенок познает мир, себя и окружающих. К тому же он отмечает, что ребенок любого возраста, да и не только ребенок играет в игры и этот процесс крайне важен.

Также я уже отмечала, что важное значение этому отводил внимания и Сорока-Росинский и, хотя эти мысли совсем не новы, они в примерно один и тот же период пишут об этом как об упущенном моменте. Отчасти, это коррелирует тому, что они оба подмечают низкий интерес со стороны взрослого к миру ребенка, тот интерес, который проявляется связан с некоторым усмирением детского, попыткой подстроить ребенка под мир взрослых. Они же обращают внимание на самобытность и особенность детской мысли и детского мира. Корчак с возмущением относится к методикам воспитания, которые учат ребенка быть взрослым – ребенок по его мнению должен оставаться ребенком, и именно детские мотивы в его поведении и мысли необходимо подчеркивать и поощрять, ценить и стараться не вмешиваться в этот мир, но оберегать его и помогать ему.

Мне это кажется особенно важным, потому как его рассуждения раскрывают общее положение дел, из его недовольств и поучений становится ясно какая реальность на самом деле окружала ребенка того времени.

5.2 Опыт воспитания в интернате

Януш Корчак сам был воспитателем и работал с детьми. Значительную часть его рассуждений занимает рассуждение об интернате – очень много внимания он уделяет воспитателю, описывая то, чем живут ребята, он подсказывает как вернее было бы их воспринимать. В своих описаниях он часто приводит примеры, иногда их довольно много и они следуют подряд,

он пытается продемонстрировать непредсказуемость детского общества. Он представляет это общество как стихию, которая спонтанна, сильна, коварна, но все же имеет внутри себя определенные законы, в соответствии с которыми она функционирует и взаимодействует со внешним для нее миром. Это сравнение представляет собой важную мысль, которую автор пронесит через все свои произведения – все детское и детство в принципе это не недостаток развития и тем более не шуточный мир, это более чем важный и выстроенный мир, в котором действуют определенные правила, законы, благодаря которому происходит становление человека, его знакомство с миром. Ни в коем случае нельзя нарушать взаимосвязи внутри этого мира и его связи с миром взрослых. Все то в детстве, что кажется взрослым непонятным – важная часть взросления и нужно стремиться понять и поддержать движение по этому, уже забытому взрослым миру, а не разрушать его, предлагая встраивать правила еще непонятные, для ребенка, не оправдавшие себя. Это стихия и ее конечно можно покорить, но тогда лишь результат этого подавления проявится позже, а не сейчас. Корчак приводит различные примеры неудачного воспитания, он подчеркивает, что конечно же можно сломать ребенка, особенно когда он один, гораздо сложнее, но и общество детей можно подчинить, но это будет лишь отсрочка из демонстрации своих желаний и силы. Подавляя старшинством и силой, возникает опасность, что это правило усвоится как основное – прав тот, кто сильнее. Очень аккуратно необходимо относиться к тому что ребенок мал и слаб, ведь довольно долгое время он действительно слабее большинства всех окружающих – если не верно расценивать это, пользоваться этим, то на время возможно подавить стихию детского мира, но позже это скажется на его отношении к миру.

Подобные рассуждения показывают, насколько важно понимать, что мир ребенка хрупок и очень нежен – при малейшем неверном движении уже существует риск нанести существенный вред, который может и не замечен сразу, но проявится лишь со временем. Сам Януш Корчак уделяет этому такое

большое внимание, потому как замечает несколько пренебрежение со стороны воспитателей к тем законам, которые устанавливаются воспитанниками самостоятельно, часто даже неосознанно и негласно. Он подмечает, что хоть дети и слабее, но это лишь поодиночке – в коллективе они действительно становятся настоящей неуправляемой стихией. Воспитатели зачастую не умеют справиться с этой стихией и в попытках наладить процессы, из которых состоит воспитание и обучение в интернатах – подавляют стихию полностью, используя авторитарные, властные методы, на помощь приходят и дисциплинарные практики и методы наказаний. Но такой способ не является воспитательным, он лишь сдерживает и то, лишь на некоторое время общество еще более враждебных теперь ребят. Необходимо союзничать с миром детства, особенно когда он представлен массой.

Важные описания случаев из практики, работы с детским коллективом демонстрируют, что мир детства он самобытен и очень сложен – он слабее мира взрослого, но требует к себе уважения. Именно так Корчак призывает относиться к ребенку и не забывать. Что каждый отдельный ребенок очень важен и только при индивидуальной работе можно по-настоящему воздействовать на него. Коллектив детей - это стихийная масса, внутри которой очень быстро выстраиваются взаимоотношения и взаимосвязи, которые необходимо учитывать, но нельзя нарушать. Так образ детства становится довольно хрупким, еще не гибким и довольно непредсказуемым, а главное требующим к себе уважения и заботы. Показательно то, что выстроено повествование Корчака на негативных примерах, он постоянно сочувствует тому, что в действительности образ детства связан с покорением, порабощением, постоянным контролем и воспитанием насильно. В этом обнаруживается некоторый разрыв мира детей от мира взрослых, который может грозить неумелым и неверным освоением жизни и ее правил подрастающим поколением. Необходимо уметь понимать детство и сочувствовать ему.

Заключение

Детство это не просто период в жизни каждого человека, оно играет огромное значение не только в отношении конкретной личности, но для общества в целом. Исследование вопросов детства осложняется многими факторами, такие как культурные или социально политические особенности, также играет роль исторический период, который взят для рассмотрения. Тем не менее, представляется возможным обозначить некоторые характеристики, которые свойственны для детства в целом.

В данной работе были использованы в основном труды западных и отечественных исследователей, что необходимо учитывать при формулировании выводов, образ детства может существенно измениться при обращении к некоторым этнически обособленным обществам.

Развитие ребенка и его воспитание связано с огромным количеством процессов, в большинстве своем обладающих спецификой, которую и пытаются выявить те, кто так или иначе исследует вопросы детства. В ходе рассмотрения вопросов, связанных с этим периодом, возникает множество тем, довольно узко-направленных. Это связано с тем, что детство человека - это довольно долгий период, и насыщенный не менее, чем жизнь любого взрослого человека, однако при исследовании всего, с чем связано взросление становится понятно, что в каждом пункте обнаруживаются важные различия между миром взрослых и миром детей. О мире ребенка можно задать те же вопросы, что и о мире взрослого, но необходимо менять ракурс, учитывать специфику возраста. В этом мире есть и личные, и общественные проблемы, и вопросы мировоззрения. В этом мире присутствуют своя философия, своя политика, своя социальная структура. Такое детство очень сложно уловить, сложно анализировать, оно всегда динамично – процесс взросления довольно стремительный и каждый раз картина меняется даже при тех же условиях.

Обратившись к Филиппу Арьесу мы обнаруживаем, что образ детства сильно менялся на протяжении истории, эту же мысль мы прочитываем в

связи с выделением разного типа обществ у Франсуазы Дольто. С изменением общества, улучшением социальных условий, развитием медицины и сменой типа семьи связано и отношение к детству и миру ребенка – он становится все более важным, период детства обозначается все более отчетливо, это Арьес демонстрирует через изобразительное искусство. Рассматривая работы, описывающие воспитательный процесс и педагогические принципы Януша Корчака, можно проследить мысль коррелирующую с этой динамикой, обнаруженной Арьесом. Корчак призывает обратиться к миру ребенка и начать уважать его также, как мы уважаем мир взрослого.

Определенным выводом тут для меня является то, что образ ребенка меняется хронологически и это движение представляется мне как эволюция представлений о ценности периода детства. Подтверждает такой вывод и психоаналитическая традиция, которая начинает связывать с периодом раннего детства многие психические особенности будущей личности.

Второй вывод обнаруживает тенденцию к осваиванию все более и более углубленных и осмысленных способов заботы о детях и подрастающем поколении в совокупности с усилением контроля над взрослением, которое проявляется в выстраивании воспитательных методик и педагогике, к обобщению правил работы с детьми и нарастающей регламентацией деятельности учебных и воспитательных учреждений. Эта тенденция прослеживается и через реакцию на произведение «Республика ШКИД», представленную мной в одной из глав и также она обнаруживается в сравнении самого произведения и его экранизации, которая была создана спустя некоторое время. Об этом же мы находим упоминания и у Януша Корчака, и у Вудс Винникотт.

В контексте психоанализа можно определить некоторые качественные изменения в ходе изменений в представлении о феномене и значении детства, так как психоанализ затрагивает те вопросы, касающиеся детства, которые

формируют представление о его основополагающем значении для множества, если не всех особенностей будущей психической характеристики личности.

Еще один вывод связан с тем, что с образом детства очень тесно связаны явление материнства и образ матери. При совершенно отличных ракурсах исследования детства так или иначе мы сталкиваемся с ролью матери, таким образом мы усматриваем и у Арьеса упоминание о том, что представление о детстве, как о значимом феномене начинает формироваться именно в связи с христианским изображением Иисуса младенцем на руках Богородицы. Большое значение материнство приобретает и в контексте воспитательной деятельности и психоаналитической традиции.

Результатом данного исследования становится образ, формирующийся на основании предложенных выводов и акцентов, которые становились важнейшими в рассмотрении предложенных вопросов и проблем. Детство оказывается в рамках рассмотренных направлений периодом, значимость которого осознается обществом постепенно и подчеркивается возрастающим интересом к нему со стороны различных областей исследования, включением вопросов, касающихся детства в те исследования, которые изначально направлены на рассмотрение совершенно других тематик. Образ очерчивается такими характеристиками, как незрелость, необходимость особого ухода и специфического подхода к взаимодействию с ним, а именно составлением воспитательных методик, которые предназначены для адаптации ребенка к обществу, с которым изначально он взаимодействует исходя из собственных возможностей, а не общественно-установленных предписаний. Воспитательные методики в своей совокупности и каждая в отдельности также оказываются характеристикой и частью образа, так как в ходе работы обнаружено, что детство отчасти состоит и характеризуется именно тем воспитанием, которое к нему применяется (особенно это очевидно через работы Януша Корчака). Так в предлагаемом образе обнаруживается существенный момент – а именно дисциплинарная, институциональная определенность детства (через обязательное

распределение по специализированным учреждениям для осваивания определенных навыков и обязательное контролирование процесса взросления), той есть определенность извне, со стороны лишь причастных к его действительности, но не участвующих в нем непосредственно.

В дальнейшем исследовании будет необходимо в связи с этим попытаться обозначить некоторые границы образа детства изнутри, от первого лица, той есть со стороны ребенка, хотя это и связано с некоторыми уже упомянутыми проблемами в связи с особенностями детского восприятия. К тому же область исследования должна рассмотреть, не проанализированные в данной работе различия между протеканием детства и особенностями его восприятия в разных культурах, что являлось темой для исследования некоторых авторов, таких как Маргарет Мид. К тому же мне представляется необходимым рассмотреть особенности подходов к воспитанию хронологически, добавить к рассмотрению многие не учтенные в вышеизложенной работе методы и выявить тенденции их изменения. Особенное внимание необходимо будет уделить политическому влиянию на особенности воспитания. Дальнейшее исследование должно определить более детально характеристики образа детства в современном обществе, обозначить его историческое формирование и его влияние на формирование детско-юношеской части общества.

Список используемой литературы:

- 1) Арьес Ф. Ребенок и Семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с франц. Я. Ю. Старцева при участии В.А, Бабинцева - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. – 416 с.

- 2) Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Этика и этос воспитания. Научно-публицистическая монография. Тюмень: НИИ прикладной этики; Центр прикладной этики, 2002. - 256 с
- 3) Белик А.А. Культурология: Антропол. теории культур: Учеб. пособие / Ин-т "Открытое о-во", Рос. гос. гуманит. ун-т. - М.: Изд-во РГГУ, 1998. - 239 с.
- 4) Белинский В. Г. «О детских книгах» Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 3. Статьи, рецензии и заметки. Февраль 1840 – февраль 1841. Подготовка текста В. Э. Богграда. М.: "Художественная литература", 1976. – 453 с.
- 5) Бион У.Р. Научение через опыт переживания. Пер. с англ. — М.: «Когито-Центр», 2008. — 128 с.
- 6) Винникотт Д.В. Маленькие дети и их матери. М.: Класс, 2007 - 132с.
- 7) Винникотт Д.В. Семья и развитие личности. Мать и дитя. М.: Литур, 2004. – 400 с.
- 8) Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 3 Проблемы развития психики/Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983 – 368 с.
- 9) Дольто Ф. На стороне ребенка. СПб: «Петербург – XXI век», 1997. – 524 с.
- 10) Дольто Ф. Психоанализ и педиатрия. Ижевск: ERGO, 2006. – 288 с.
- 11) Ильина В.А., Андреева Е.П., Кирпичникова В.Г. и др. Педагогическая библиография Том 1. – М.: Просвещение, 1967 – 770с.
- 12) Кляйн М., Айзекс С., Райвери Д., Хайманн П. Развитие в психоанализе. М.: Академический проект, 2001. – 512 с.

- 13) Кон И.С. Ребенок и общество: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 336 с
- 14) Корчак Я. Избранные педагогические произведения М.: Просвещение, 1966. – 469с.
- 15) Крупская Н. Школа и самообразование. «На путях к новой школе», 1927, № 2, стр. 3—7.
- 16) Литвинский В.М. Психоанализ ребенка (На пороге новой антропологии) / Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 1998. Вып. 4 (№ 27)
- 17) Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Санкт-Петербург.: Искусство-СПб, 1998. – 309с.
- 18) Макаренко А.С. Педагогические сочинения т.7 М.: Педагогика, 1986. – 320с.
- 19) Марков Б. В. Знаки и люди: антропология межличностной коммуникации. СПб.: Наука, 2011. — 667 с.
- 20) Матянин О.П. Антология гуманной педагогики / Корчак Я. Как любить ребенка. М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили,. – 1998. – 224 с.
- 21) Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука. – 1988. – 134 с.
- 22) Пантелеев Л., Белых Г.Г. Республика Шкид. М.: Эксмо. – 2008. – 608 с.
- 23) Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. — М.: Педагогика — Пресс, 1994. – 528 с.
- 24) Пушкарёва Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) / Женщина в российском обществе. 2000. №1. С. 9-24.

- 25) Республика Шкид URL: <http://www.respublika-shkid.ru> (дата обращения: 20.02.2017)
- 26) Сорока-Росинский В.Н. Школа Достоевского URL: <http://www.kommunarstvo.ru/biblioteka/bibsorshk.html> (дата обращения: 15.02.2017)
- 27) Фрейд А. Детский психоанализ. СПб.: Питер, 2003. – 480 с.
- 28) Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы М.: Ad Marginem, 1999. – 479 с.
- 29) Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. - 380 с.
- 30) Эриксон Эрик Г. Детство и общество. СПб.: Речь, 2002. – 416 с.